

Наташа Айверс

ОЧНУТЬСЯ ВОЛЧИЦЕЙ

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **Айверс Н.**
Очнуться волчицей / Наташа Айверс – М.: Литнет, 2025. – 252 с.

ISBN 978-5-521-94313-5

Светофор. Удар. Женский крик. Тишина. Она помнит лишь вспышку фар, визг шин — и темноту. А очнулась... в теле зверя. Вся в крови, со сломанными рёбрами и перебитыми лапами — в тесной клетке. В углу — мёртвая женщина. И волчонок: дрожащий комок, прижавшийся к ней. Кто она? Откуда? Почему всё внутри рвётся защитить этого малыша, как родного? За решёткой — голоса. Где-то рядом — выстрелы, звуки погони. Кто-то открывает дверь фургона. ... За ними пришли. Это — конец. Красная пелена перед глазами, чей-то предсмертный хрип. И вкус крови во рту. Нет — в пасти. Она бежит. Сквозь боль, страх и снег. На одних инстинктах. В зубах — волчонок. Её? Чужой? Она не знает. Но точно знает одно: она его спасёт, чего бы ей это ни стоило.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94313-5

© Литнет, 2025
© Н. Айверс, 2025

Пролог

Волчица

Первое, что я осознаю, попытавшись открыть глаза – вокруг царит непроглядная темнота. Она не такая, как в комнате без света. Она густая, вязкая... как бездна без пространства и времени.

Звук приходит раньше, чем боль. Сначала он слабый, будто кто-то скребёт острыми когтями по металлу. Потом – громче, навязчивее. И вдруг до меня доходит: этот звук похож на детский плач, но тихий и хриплый, как у малыша, который надрывался слишком долго и у которого почти не осталось сил.

Пuls рвётся в висках, с каждой секундой становясь всё громче. Паника нарастает. Я будто тону и вот-вот вдохну воду полной грудью. Я пробую пошевелиться и вдруг чувствую, как что-то липкое стягивает кожу. Нет, не кожу. На моём теле что-то мягкое, плотное, чуть влажное. Что это?

Шерсть?!..

Холодный ужас обрушивается на меня волной. Я дрожу всем телом и судорожно пытаюсь вдохнуть, будто только сейчас поняла, что всё это время не дышала. Острый рывок воздуха, и грудная клетка вспыхивает болью. Что-то внутри с хрустом смещается. Внутренний голос подсказывает мне, что, скорее всего, сломаны рёбра.

Попытка вдохнуть превращается в судорожный хрип. Звук, который я издаю, получается каким-то чужим. Моё дыхание такое тяжёлое, сиплое, рваное, как будто даже и не человеческое.

Я пытаюсь выпрямиться, но тут же оседаю от боли в задней лапе. У меня что, лапы?! Дыхание перехватывает от ужаса. Ещё секунду назад я была уверена, что я – человек, а теперь... У меня оказывается шерсть и лапы? Разлепляю веки, перед глазами всё плывёт. Надо мной – решётка. Пахнет... Боже, как же отвратительно здесь пахнет.

Запах ржавчины с железным привкусом напоминает мне запах крови и... чего-то ещё. Никак не могу понять, что это за запах... Разложения? «Смерть,» – вновь подсказывает моё подсознание. Он тут везде: на полу, на прутьях, на моём теле. Но сильнее всего он ощущается слева от меня. Я поворачиваю голову. Рядом со мной лежит женщина, её лицо затянато смертной бледностью, глаза полу-прикрыты. Живота нет – только тёмное пятно. «Выстрел,» – жуткая догадка звучит в моей голове. Да, наверное, эта дыра с запекшейся кровью в животе, это и есть выстрел. Её рука протянута ко мне, и она сжимает мою... лапу. Я зажмуриваюсь, пытаюсь поймать ускользающую мысль. Кто она? Кто я?

Где я?..

Я моргаю снова, пытаюсь дышать спокойно и осознать, где нахожусь. В помещении темно, но я почему-то знаю, что на улице светло. Чувствую под боком холод металла, запах бензина и резины. Я лежу... на боку в фургоне... в большой металлической клетке? Попытка пошевелиться вызывает вспышку боли в задних лапах. Одна из них не слушается. Как и тело в целом, оцепеневшее, разбитое и как будто чужое.

Я дёргаюсь всем телом. Резкая боль пронзает плечо, я вскрикиваю... в мыслях. А из пасти раздаётся сиплый рык. Тиски на висках сжимаются. В голове – будто шум прибора, накатывает волнами, сметая мысли.

– Я... не волк. Я – человек. И у меня есть имя... – с трудом проговариваю я в мыслях.

Но, как ни странно, своего имени я вспомнить не могу. Я пытаюсь снова и снова.

Ведь что-то было до этой клетки, до этого ужаса, до того как появилась шерсть на моём теле?

Вспоминаю свет фар, которые бьют в глаза, ослепляя. Да, уже что-то. Потом визг шин, свой страх и чей-то крик, высокий и пронзительный, похож на женский. Интересно, чей он? Мой?

И – всё. Дальше – только боль и вязкая засасывающая темнота, в которой не было ни единого просвета.

Вернувшись из воспоминаний, я начинаю дрожать то ли от боли, то ли от ужаса. Вжимаюсь в пол, словно пытаюсь стать меньше. Пульс в висках грохочет, как молот. Я чувствую, как металл холодит бок и что-то липкое, горячее – кровь – стекает по морде и лапам. Чья это кровь? Моя или женщины, что лежит слева от меня? Паника накрывает, хочется снова впасть в забытие и проснуться в тепле и уюте собственной кровати, но какой-то тонкий, зудящий на периферии сознания звук не даёт мне снова отключиться. Я вспоминаю, что именно он меня и разбудил. Прислушиваюсь. Слабый, хриплый скулёж доносится откуда-то у меня из-под бока.

Я поднимаю голову и чуть наклоняю её в попытке рассмотреть, что там такое живое копошится под боком. «Этим» оказывается совсем маленький щенок – живой комочек тёплой шерсти, вжавшийся в меня. Он дрожит и дышит слишком быстро, изредка поскуливая.

Я медленно приподнимаюсь, отмечая про себя, что рёбра болят немного меньше и я уже могу двигать сломанной лапой. «Регенерация,» – догадка вспыхивает в голове мгновенно. Я прижимаюсь к щенку, обнимая его лапами. Хочется его полизать, но я давя в себе это желание. Однако всё же поддаюсь какому-то инстинкту и утыкаюсь мордой ему в макушку. Он затихает. В его запахе есть что-то... знакомое.

Кто он?

Кто я?

Голова раскалывается, и я отбрасываю попытки разобраться в сумбуре мыслей и догадок. Просто прижимаю волчонка ближе. Он затих после того, как я его обняла, и, кажется, обессиленный долгим плачем задремал. Моё тело окружает его, как щит. Я не знаю, чей он. Но знаю одно: пока я жива, он тоже будет жить.

Я проваливаюсь в сон. В этот раз он не такой тяжёлый. И он

приносит облегчение, словно моё тело только того и ждало, чтобы начать набираться сил. Не знаю, сколько прошло времени, но когда очнулась, откуда-то знала, что снаружи ночь. Щенок мирно посапывал, уткнувшись мордочкой мне в живот.

Я прислушиваюсь к звукам, что меня разбудили. Снаружи доносятся мужские голоса, громкие и грубые. Я не могу разобрать слов, но, судя по тону, они ругаются и спорят. А потом звук, который приходится по нервам раскалённым железом. Я узнаю его ещё до того, как подсознание подсказывает: «Щелчок затвора.»

Когда снаружи раздаётся выстрел, волчонок вздрагивает, но не просыпается, а я замираю. Внутри меня всё сжимается, как тугая пружина. «Идут. За нами. Готовься.»

Я медленно высвобождаюсь из объятий волчонка. Он тихонько скулит, но не просыпается. Дверь открывается с надсадным скрипом. Я напрягаюсь, мышцы под кожей натянуты, словно стальные канаты. Боль пульсирует в лапах и боку, но отступает перед волной ярости. Глаза различают всё, до последней складки на одежде. Странно – ночь, а я вижу всё так ясно, будто сейчас день. Кажется, даже лучше, чем видела когда-либо раньше. Вижу человека с оружием в руках. Я не даю ему времени поднять пистолет, чтобы прицелиться. Я не думаю – просто прыгаю вперёд. Не на руку, как, наверное, сделал бы человек, а прямо на грудь, вонзая зубы в незащищённое горло. Плоть рвётся под моими зубами. Горячая кровь выстреливает мне в пасть – тёплая, страшно вкусная. Он хрипит, уже падая, а я отталкиваюсь от него лапами, разворачиваюсь и прыгаю на следующего.

Раздаётся выстрел.

Боль обжигает бок, будто туда вонзили раскалённый гвоздь. Я вскрикиваю – нет, рычу – и прыгаю, снова и снова. Пасть сжимается, зубы ломают кости шеи, вырывая ещё живую плоть кусками. Слышу, как кто-то орёт, кто-то стреляет наугад.

Я не чувствую страха. Только жгучую ярость за женщину, за волчонка и за себя.

Очередной выстрел звучит слишком близко. Я спотыкаюсь, но снова прыгаю вперёд, чувствуя себя непобедимой как сама смерть. Ударяюсь всем телом о человека, что стрелял, и чувствую хруст его рёбер. Слышу крик боли и краем сознания отмечаю, что у этого человека запах другой. Странно. Он пахнет как свой, как я. Мы вместе падаем в снег, который хрустит на зубах, забиваясь в глаза и ноздри. Я пытаюсь добраться до его горла, пока не становится трудно дышать. Мир подёргивается дымкой, лапы подгибаются. Пульс грохочет в ушах. Всё расплывается. Слышу, как кто-то стоит, но не понимаю – это он или я.

Но постепенно звук отдаляется. Видимо, ему удаётся уйти. Я прислушиваюсь. Вокруг – тишина, нарушаемая лишь предсмертными хрипами умирающих. Я откидываю голову на снег. Перед глазами стоит красная пелена, но я знаю, что волчонок будет жить. Сознание гаснет, и я проваливаюсь в темноту. Последняя моя мысль: «Я справилась.»

Глава 1

Над ухом раздавался тонкий, зудящий звук, раздражающий, как назойливый комар. Я приоткрыла один глаз и поняла: это был не писк, а еле слышное поскуливание волчонка. Почему-то в его скулёже отчётливо слышалась просьба: «проснись... ну же, вставай.» Он щекотно вылизывал мне морду мокрым и немного шершавым языком, прерывисто дыша. Я откуда-то знала, что у волков, как и у собак, нос должен быть холодным и мокрым. Это признак здоровья.

А у него нос... был тёплый. Даже горячий. И сухой.

Он тёрся лбом о мою морду, лизал меня, тыкался, будто проверял: точно ли я жива?

Кажется, жива.

Я пошевелилась, и всё тело взорвалось болью.

Бок горел огнём. Дыхание перехватило, и я едва не захлебнулась собственным хрипом. Перед глазами заплескали чёрные точки. Я повернулась и легла на живот, прижавшись мордой к земле – холодной, твёрдой, насквозь промороженной.

Нос уткнулся в чистый белый снег – свежий, хрустящий.

Не раздумывая, открыла пасть и начала его заглатывать. Жадно, быстро, как зверь. Снег растекался по горлу ледяными каплями, обжигая, но вместе с тем будто оживлял и приносил облегчение. Я понимала, как это выглядит со стороны. Дико, по-звериному. И всё же не остановилась.

Волчонок, заметив, что я пришла в себя, тут же лёг рядом и прижался ко мне, дрожа всем телом. Наевшись снега, я открыла глаза и...

Было ещё темно, но ночь была уже не такая глухая, как раньше. Тьма поредела – в ней проступали очертания: деревья, кусты, какие-то силуэты.

Где-то неподалёку возвышалось что-то крупное – железное, угловатое. «Фургон,» – поняла я. А вокруг него прямо на земле – люди. Или то, что от них осталось. От фургона тянуло резким, тяжёлым запахом – кровью и смертью.

Я с трудом поднялась. Ощущение было такое, словно к каждой лапе привязали по булыжнику. Всё тело ломило, в боку горело, в голове звенело, перед глазами плыло.

Волчонок попытался было подняться следом, но я тихо рыкнула, предупреждая:

– Оставайся здесь.

Он замер. Неужели понял? Не знаю, как волки общаются между собой, но, надеюсь, этот сообразительный.

Место, где мы лежали, напоминало неглубокую ложбину у края заброшенной дороги. Наверное, именно сюда я скатилась, когда сцепилась с тем последним. Тот, что пах... странно. Помню, как он меня душил, а я рвала его плоть, пытаюсь добраться до горла. А потом – темнота.

Волчонок прижал уши и тихо всхлипнул, глядя мне вслед, но не сдвинулся с места.

Я медленно обошла фургон по кругу, стараясь не наступать на снег, слипшийся от крови, и запрыгнула внутрь. Тело женщины всё так же лежало неподвижно: рука, протянутая в ту сторону, где я лежала рядом с волчонком, полузакрытые глаза. Я наклонилась ближе – дыхания не было, она была мертва. Взгляд зацепился за беспорядочную кучу в углу клетки: сапоги на высоком каблуке, пальто, джинсы, розовая кружевная ткань. Я как будто узнала их, но времени рассматривать не было. Я не за этим сюда пришла. Что-то во мне толкало вперёд – мысль, неоформленная, ускользающая. Я искала... что? Средство связи? Слово не вспоминалось, но внутри жило стойкое ощущение, будто должна быть вещь, чтобы звать на помощь. Я обшарила пол, заглянула в темноту за клеткой. Пусто. Нужной вещи нигде не было.

Выбравшись наружу, я вдруг остановилась. Водитель. Фургон ведь не ехал сам по себе. Где он? Я вскинула голову, прислушалась.

Тишина. Ни голосов, ни шагов. Только далёкий шорох ветра в ветвях деревьев в лесу. Шерсть на загривке встала дыбом, как от удара током. Хвост дёрнулся и сам собой прижался к боку, а тело напряглось. Я осторожно обошла фургон, поджав уши, и, затаившись в тени, заглянула в кабину.

Дверь была распахнута. С водительского сиденья свешивалось тело. Мужчина. Из аккуратного отверстия во лбу стекали редкие капли крови, падая в снег. Вот и ответ на вопрос – что то был за выстрел, что мы слышали в фургоне.

Я вернулась к тому месту, где ждал волчонок, и прошла по кровавым следам, что вели прочь. Они довели меня до отпечатков широких шин. Вероятно, тому последнему удалось уехать. А значит, за нами вернутся.

Надо уходить.

Когда подошла к волчонку, он приподнялся и потянулся ко мне, уткнувшись мордочкой в шею. Маленький, тёплый комочек. Такой слабенький... и, кажется, заболевший: нос у него был всё таким же сухим и чуть горячим. Как он пойдёт по такому снегу?..

«Как же тебя тащить, малыш? На спине, что ли?..» – подумала я, глядя на него с растерянностью. Представила это, и внутри вдруг кто-то негромко, насмешливо фыркнул. Я вздрогнула.

«В зубах», – донеслось откуда-то из глубины сознания.

Я застыла.

«О Боже... я что, схожу с ума?..» – начала озираться я. – «Я слышу голоса?.. Эй, ты... тут?.. Отзовись... Кто ты?»

В ответ – тишина. Ощущение чужого присутствия пропало. Снова прислушалась, но внутри и снаружи было... пусто. Я выдохнула, чувствуя, как сердце снова начинает биться ровнее. Значит, ещё не всё потеряно. И я не схожу с ума.

Встала, медленно потянулась – рёбра хрустнули, боль отозва-